

МУНИРА ВАГИНА

НЕ УЧИ МЕНЯ

Любить♡

18+

Мунира Вагина

Не учи меня любить

«Автор»

2026

Вагина М.

Не учи меня любить / М. Вагина — «Автор», 2026

Арина Ветрова знает о любви всё. Известный семейный психолог, автор бестселлера «Любовь без ошибок», она годами учила других спасать отношения, пока однажды её собственный брак не рухнул на глазах у всей страны. Когда скандал почти уничтожает её репутацию, Арина соглашается на участие в закрытом эксперименте в загородном центре, где пять пар пытаются решить, стоит ли бороться за свою любовь. Руководит проектом Марат Аверин — жёсткий, ироничный режиссёр, который не верит ни в психологические формулы, ни в красивые слова о чувствах. Между ними вспыхивает опасное притяжение, в котором слишком много боли, правды и взаимного недоверия. Но чем сильнее Арина тянется к Марату, тем яснее понимает: этот мужчина пришёл в её жизнь не случайно. Он скрывает замысел, который может разрушить всё до конца. «Не учи меня любить» — чувственный роман о том, что любовь нельзя построить по инструкции, а самое трудное в нее не удержать другого, а решиться быть честной с собой.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Публичное падение	5
Глава 2. Год спустя	13
Глава 3. Человек, который ей не верит	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Не учи меня любить

Глава 1. Публичное падение

За кулисами пахло кофе, горячей пылью софитов и свежей краской декораций. Арина Ветрова стояла перед узким зеркалом, поправляя серьгу, хотя та и без того сидела ровно. На экране служебного монитора уже мелькали лица зрителей: полный зал, два ряда журналистов, камеры у проходов. На сцене за её спиной светила обложка новой программы — «Любовь без ошибок». Белые буквы на тёмно-синем фоне выглядели безупречно. Именно так, как она любила.

— Ты сейчас дыру в зеркале прожжёшь, — сказала София, заглянув в гримёрную без стука. — Всё нормально. Зал полный, пресса довольна, издатель уже ходит с лицом человека, который мысленно считает деньги.

Арина не обернулась.

— Я не нервничаю.

— Конечно. Ты просто третий раз проверяешь одну и ту же серьгу.

— Она цепляется за волосы.

— Волосы тоже, вероятно, виноваты в твоём перфекционизме.

Арина всё-таки улыбнулась. София умела делать это почти насильно — вытаскивать из неё живую реакцию в самые неподходящие моменты. Они работали вместе семь лет, и за это время София привыкла к её ритуалам перед выступлениями: вода без газа, телефон экраном вниз, пятнадцать минут тишины, никаких внезапных гостей. Сегодня правила нарушались одно за другим, но пока всё держалось.

— Илья пришёл? — спросила Арина.

София на секунду задержала взгляд.

— Да. Первый ряд, слева от прохода.

— Хорошо.

— Ты удивлена?

— Нет.

Это было неправдой, и Арина это знала. Последние недели Илья появлялся рядом с ней скорее по расписанию, чем по желанию. Утром они пили кофе на одной кухне, вечером иногда ужинали, обсуждали счета, поездки, бытовые мелочи. Всё выглядело устойчиво. Почти образцово. Но в этой устойчивости уже давно не было тепла — только привычка двух взрослых людей не трогать то, что может рассыпаться от одного неловкого вопроса.

Арина замечала это. Разумеется, замечала. Она замечала интонации клиентов, паузы между словами, едва видимые движения пальцев, когда человек лгал или прятал страх. Не заметить мужа было бы невозможно. Просто с ним она каждый раз находила объяснение, которое звучало разумнее тревоги. Устал. Много работы. Кризис середины жизни. Необходимость в личном пространстве. Всё имело термин, причину и возможный путь коррекции.

Так было спокойнее.

— Пять минут, — сообщил ассистент из коридора.

София подошла ближе и разгладила невидимую складку на плече её жакета.

— Только не начинай сейчас анализировать зал.

— Я никогда не анализирую зал.

— Арина.

— Хорошо. Анализирую.

— Сегодня просто выйди и скажи то, ради чего они пришли.

Арина посмотрела на своё отражение. Тридцать девять. Спокойное лицо. Тёмные волосы собраны низко, минимум украшений, белая блуза, графитовый костюм. Образ, который годами помогал ей говорить о самых хаотичных человеческих вещах так, будто хаос можно разложить по полкам. Она взяла беспроводной микрофон.

— Я всегда так делаю.

— Вот это меня и пугает, — пробормотала София.

Музыка в зале стихла. Ведущий произнёс её имя, и аплодисменты накрыли сцену раньше, чем Арина сделала первый шаг из-за кулис. Она любила этот момент. Не славу — по крайней мере, так она всегда себе говорила. Ей нравилась доля секунды перед первой фразой, когда сотни людей ещё ничего от неё не получили, но уже готовы слушать. В этот миг казалось, что между людьми можно построить мост всего несколькими точными словами.

— Добрый вечер, — сказала Арина.

Зал ответил тишиной, той особенной, внимательной тишиной, ради которой лекторы и выходят на сцену.

— Я хочу начать не с любви. С ошибки.

На большом экране исчезла обложка программы. Появилось одно слово: «ПРАВИЛЬНО».

— Нас с детства учат, что отношения можно делать правильно. Правильно выбирать. Правильно разговаривать. Правильно прощать. Правильно уходить. И самое странное — мы продолжаем верить в это даже тогда, когда рядом с нами живой человек, который совершенно не обязан помещаться в нашу инструкцию.

Несколько человек в зале улыбнулись. Арина сделала паузу.

— Зрелые отношения начинаются не там, где нет конфликтов. Они начинаются там, где два человека перестают воевать за право быть единственно правыми.

Она говорила свободно. Слайды менялись, но почти не были нужны. Арина знала материал наизусть, знала, когда залу нужна история, когда шутка, когда несколько секунд молчания. Она рассказывала о партнёрах, которые годами спорят не из-за денег, детей или секса, а потому что каждому важно быть услышанным первым. О том, как люди превращают близость в систему взаимных доказательств. О том, что любовь без способности слышать другого быстро становится соревнованием.

В первом ряду сидел Илья. Она заметила его почти сразу. Тёмная рубашка, серый пиджак, руки сцеплены на коленях. Он смотрел на неё спокойно. Слишком спокойно. Арина на мгновение потеряла мысль, но никто, кроме Софии за кулисами, вероятно, этого не заметил.

— Иногда партнёр говорит нам что-то неприятное, — продолжила она, — и первая реакция — защититься. Объяснить, почему он неправ. Но зрелость начинается с другого вопроса: «А что, если в его словах есть правда, которую мне не хочется слышать?»

Илья опустил взгляд. Эта маленькая деталь кольнула сильнее, чем могла бы. Арина пошла дальше по сцене.

— Способность слышать — это не согласие. Это готовность выдержать чужую правду, не разрушая человека за то, что она вам не нравится.

В этот момент Илья встал. Сначала Арина решила, что ему стало плохо или он хочет выйти. Люди на соседних креслах поджали ноги, освобождая проход. Но вместо того чтобы направиться к двери, Илья сделал шаг к стойке с микрофоном для вопросов. Ведущий, сидевший у края сцены, замешкался.

— Вопросы будут в конце, — мягко напомнил он.

Илья посмотрел на Арину.

— Мне нужно сейчас.

Зал оживился. Кто-то повернул голову, несколько телефонов поднялись выше. Арина почувствовала, как всё внутри неё на одну короткую секунду сжалось. Она знала этот голос. Так Илья говорил только тогда, когда решение уже было принято.

— Дайте ему микрофон, — сказала Арина.

Ведущий вопросительно посмотрел на неё, затем кивнул помощнику. Микрофон оказался у Ильи в руке. Он не спешил. В зале возникла неловкая, почти интимная тишина, хотя вокруг сидели сотни людей.

— Арина, прости, — сказал он.

Она улыбнулась автоматически, словно заранее предлагая ему удобный выход из странной сцены.

— За что?

Он вдохнул.

— Я ухожу.

Несколько секунд никто не понял смысла произнесённого. Слова прозвучали слишком просто для того, что делали с пространством. Арина посмотрела на него и впервые за много лет не смогла подобрать внутри ни одной правильной реакции. Её мозг всё ещё пытался сделать то, чему она учила других: отделить факт от эмоции, уточнить контекст, не делать поспешных выводов. Но тело поняло раньше. Пальцы, державшие микрофон, стали холодными.

— Куда? — спросила она.

И только после этого услышала собственный вопрос и поняла, насколько нелепо он прозвучал. В зале кто-то нервно кашлянул. Ильи не отвёл глаз.

— Из нашего брака.

Теперь поняли все. Камеры, до этого направленные на сцену, почти синхронно повернулись к первому ряду. Журналисты зашевелились. На телефонах вспыхнули экраны. Арина увидела это боковым зрением и внезапно подумала не о браке, а о том, как быстро люди распознают чужую катастрофу как контент.

— Илья, — произнесла она тихо.

Он подошёл ближе к проходу, но не к сцене.

— Я не хотел делать это так.

— Но делаешь.

— Потому что иначе снова отложу.

В его голосе не было злости. И это оказалось хуже всего. Если бы он обвинял, ей было бы за что зацепиться. Если бы говорил резко, можно было бы назвать происходящее импульсом. Но Илья был собран и печален, как человек, который долго репетировал эту фразу в одиночестве.

— Мы поговорим дома, — сказала Арина.

— Нет.

Она замерла.

— Не здесь.

— Именно. Не здесь. Но и дома уже не получится. Мы год говорим дома так, чтобы ничего не сказать.

По залу прошёл едва слышный шум. Арина почувствовала, как лицо начинает гореть. Внутри поднималось желание оборвать его, попросить выключить камеры, уйти со сцены, обвинить организаторов в том, что они не остановили происходящее. Но за этим желанием стояло другое — почти профессиональное, выученное до мышечной памяти: держать ситуацию.

Она сделала вдох.

— Илья, сейчас не время.

Он улыбнулся одними глазами — устало, без радости.

— Для тебя никогда не время, если разговор не вписывается в план.

Эта фраза попала точнее, чем он, возможно, хотел. Арина не ответила. Илья положил микрофон на ближайшее свободное кресло.

— Прости.

Он пошёл к выходу. Никто его не остановил. Дверь в конце зала закрылась почти бесшумно, но Арина услышала этот звук так отчётливо, будто захлопнулась дверь внутри неё. На сцене остался свет. Экран за спиной всё ещё показывал слайд с фразой: «Слышать — значит выдерживать чужую правду».

Арина повернулась и увидела её. На секунду ей стало смешно. Не весело — именно смешно, той странной нервной ясностью, которая иногда приходит в момент катастрофы. Вселенная, похоже, обладала отвратительным чувством драматургии. Ведущий поднялся со своего места.

— Мы можем сделать перерыв.

София уже появилась у кулисы. Она смотрела на Арину так, будто готова была лично выключить весь зал одним рубильником. Арина знала: достаточно кивнуть. Музыка включится. Людей попросят выйти на кофе. Через пять минут она окажется в гримёрной, где можно закрыть дверь, снять туфли, разбить чашку, позвонить Илье, не позвонить, плакать или не плакать — делать всё то, что человек имеет право делать, когда муж только что объявил перед сотнями людей, что уходит.

Но ей вдруг стало страшнее уйти, чем остаться. Если она сейчас сойдёт со сцены, этот момент навсегда станет её бегством. Арина подняла микрофон.

— Нет. Продолжим.

Зал не шелохнулся.

— Арина... — начал ведущий.

— Всё в порядке.

Она сама услышала фальшь этой фразы.

— Нет, — поправила она. — Не в порядке. Но презентация продолжается.

И впервые за вечер зал отреагировал не аплодисментами, а настоящим вниманием. Арина посмотрела на людей перед собой. Ей хотелось выбросить подготовленный текст, но она ещё не умела говорить без опоры. Поэтому нажала на пульт. Слайд сменился.

— Я только что сказала, что зрелость — это способность выдержать чужую правду. Похоже, сегодня у меня будет возможность проверить собственную теорию быстрее, чем я планировала.

Кто-то тихо выдохнул. На лицах уже не было прежнего профессионального интереса — только неловкость, сочувствие, любопытство. И ещё что-то, чего Арина боялась сильнее всего: ожидание, выдержит ли она. Она продолжила. Первую минуту голос звучал чуть ниже обычного. На второй вернулся привычный ритм. На пятой она уже снова управляла залом. Только теперь каждое слово о честности, слышании и свободе выбора проходило сквозь неё, как через открытую рану.

Она не видела Илью, но место в первом ряду оставалось пустым. И это пустое кресло постепенно стало центром сцены, хотя находилось далеко от неё. Вопросы в конце отменили. Арина завершила выступление ровно в назначенное время.

— Спасибо, — сказала она.

Аплодисменты поднялись медленно. Не восторженно, как в начале. Люди будто не знали, имеют ли право хлопать после того, свидетелями чего стали. Потом кто-то встал. За ним ещё несколько человек. Через несколько секунд поднялся почти весь зал. Арина смотрела на них и не чувствовала ничего.

Она поклонилась, вышла за кулисы и только там отдала микрофон ассистенту. София уже ждала.

— Машина у чёрного входа. Телефон мне.

— Зачем?

— Затем, что у тебя сейчас на экране будет столько дерьма, что даже я не хочу это читать.

— Дай телефон.

— Арина.

— София, дай.

Подруга выругалась, но протянула аппарат. На экране было сорок семь пропущенных уведомлений. Потом пятьдесят два. Потом шестьдесят. Пока Арина смотрела, число росло. Первые сообщения пришли от коллег. Потом от журналистов. Потом от неизвестных номеров. Несколько новостных каналов уже выложили короткие ролики.

София попыталась забрать телефон обратно.

— Не сейчас.

Арина отступила на шаг.

— Я должна знать, что там.

— Нет, ты должна добраться домой.

— Илья дома?

София замолчала.

— Не знаю.

Вот тогда Арина впервые почувствовала настоящий страх. Не сценический, не репутационный. Дом вдруг перестал быть местом, куда она автоматически возвращается. Она не знала, будет ли там муж. Не знала, есть ли ещё «их» спальня, «их» кухня, «их» утро.

— Поедем, — сказала она.

У чёрного входа стояли двое журналистов, каким-то образом узнавшие маршрут. Охранник попытался перекрыть им дорогу, но одна девушка успела крикнуть:

— Арина, вы знали, что муж собирается уйти?

Второй голос сразу следом:

— Это часть презентации?

Арина остановилась на полшага. София толкнула её в спину.

— Даже не думай.

Они сели в машину. Только когда двери закрылись, Арина поняла, что всё это время держала спину настолько прямо, что заболели плечи.

— Позвони ему, — сказала София.

— Нет.

— Почему?

— Он сам придёт.

— А если нет?

Арина посмотрела в окно.

— Придёт.

Она произнесла это с той уверенностью, с какой обычно говорила клиентам о закономерностях поведения. Но через двадцать минут, когда машина остановилась у дома, ей пришлось признать: она не знала. В квартире горел свет только в прихожей. Чемодана у стены не было. Его пальто исчезло. На тумбе лежали ключи.

Арина остановилась перед ними. Обычная связка. Ключ от подъезда, квартиры, брелок от машины, маленький металлический жетон, который она привезла ему из Праги много лет назад. Илья никогда не снимал его с кольца. Теперь оставил всё. София вошла следом и тихо закрыла дверь.

— Хочешь, останусь?

— Нет.

— Я всё равно останусь.

— София.

— Ладно. Тогда хотя бы пока ты не поешь.

Арина сняла туфли и прошла на кухню. Там стояла его кружка. В раковине — тарелка после завтрака. На дверце холодильника магнитом была прижата записка со списком продуктов: лимоны, хлеб, сыр, кофе. Почерк Ильи. Так выглядел конец брака: не чемодан в дверях и не разбитые фотографии. Сыр, который он собирался купить утром.

Арина села за стол. София поставила перед ней стакан воды.

— Пей.

— Я не в шоке.

— Конечно. Ты просто сидишь десять минут и смотришь на список продуктов.

Арина перевела взгляд на подругу.

— Он мог сказать мне дома.

— Мог.

— Это жестоко.

— Да.

— И глупо.

— Возможно.

— Он специально сделал это публично.

София не ответила сразу.

— Ты хочешь, чтобы я сейчас сказала, что он мерзавец?

— Нет.

— Хочешь, чтобы я объяснила его поступок?

— Нет.

— Тогда что?

Арина посмотрела на воду.

— Я хочу понять, почему я не знала.

Вот этот вопрос оказался первым настоящим. Она открыла рот, чтобы сразу ответить самой себе. Последний год. Дистанция. Усталость. Разные графики. Его нежелание идти в семейную терапию. Её попытки говорить. Его закрытость. Можно было построить целую схему — аккуратную, убедительную, профессиональную.

Но внезапно ни одна версия не работала.

— Не анализируй сейчас, — тихо сказала София.

Арина подняла глаза.

— Я не анализирую.

— Ты уже составила в голове три диагноза вашему браку.

— Я не ставлю диагнозы отношениям.

— Вот видишь? Даже сейчас ты поправляешь терминологию.

Арина хотела возразить, но не смогла. Телефон на столе снова завибрировал. На экране высветилось имя издателя. Следом — редактор крупного журнала. Потом уведомление из соцсетей. София потянулась к телефону.

— Выключаем.

— Нет.

— Почему ты так хочешь это видеть?

Арина сама не знала. Может быть, потому что публичная катастрофа казалась проще личной. У публичной были цифры: просмотры, комментарии, заголовки. Её можно было измерить. Личную — нет. Она открыла первую ссылку. Ролик длился двадцать восемь секунд. Илья поднимается. Просит микрофон. «Арина, прости. Я ухожу». Её лицо крупным планом. Потом короткое: «Куда?» — и ответ: «Из нашего брака».

Под видео уже было больше ста тысяч просмотров.

— Быстро, — сказала Арина.

— Люди обожают чужие падения, — ответила София.

Арина обновила страницу. Сто двадцать семь тысяч. Комментарии летели быстрее, чем она успевала читать.

«Вот вам и эксперт по любви». «Сапожник без сапог». «Может, теперь курс подешевеет?» «Жалко женщину». «Мужик красавчик, дождался презентации». «Это постановка, сто процентов». «Интересно, что она ему сделала». «Если психолог не удержала мужа, чему она может учить других?»

Последняя фраза задержалась перед глазами. Арина перечитала её дважды.

— Вот, — сказала она.

София нахмурилась.

— Что?

— Это будет главным.

— Не будет.

— Будет. Они теперь будут задавать один вопрос: если я не сохранила собственный брак, имею ли право говорить о чужих?

— Ты не продаёшь магию. Ты психолог.

— Заголовкам всё равно.

Будто подтверждая её слова, пришло новое уведомление. Новостной канал опубликовал материал с заголовком: «Эксперт по счастливому браку потеряла собственного мужа прямо на презентации курса». София выдохнула сквозь зубы.

— Убери телефон.

Арина положила его на стол. На несколько секунд в квартире стало тихо.

— Завтра я дам комментарий, — сказала она.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты сейчас хочешь не дать комментарий. Ты хочешь вернуть контроль.

Арина посмотрела на неё слишком резко. София не отвела взгляда.

— И вот именно сейчас тебе можно ничего не контролировать.

— У меня контракт. Издательство. Партнёры. Запуск курса.

— Всё это переживёт одну ночь.

— Репутация может не пережить.

— А ты?

Вопрос повис между ними. Арина поднялась из-за стола и подошла к окну. Внизу по мокрому асфальту шёл человек с собакой. На соседнем доме светились редкие окна. Мир выглядел оскорбительно обычным.

— Я в порядке, — сказала она.

София ничего не ответила. И эта тишина оказалась честнее любых слов. Ночью Арина осталась одна. Она не включала свет в спальне. Села на край кровати, где половина Ильи была уже аккуратно пустой. Из шкафа исчезли несколько рубашек, джинсы, дорожная сумка. Не всё. Значит, он вернётся за вещами. Эта мысль почему-то принесла облегчение, почти нелепое: значит, будет ещё разговор.

Она взяла телефон. От Ильи не было ни одного сообщения.

Арина открыла диалог и написала: «Мы должны поговорить».

Посмотрела на фразу. Стерла.

Написала: «Где ты?»

Стерла снова. В конце концов положила телефон рядом и легла поверх покрывала, не раздеваясь. Сон не приходил. В два сорок семь она снова открыла новости. Видео уже посмотрели больше миллиона раз. Заголовки множились, становились грубее и проще. Из её брака

делали мем, из её лица — стоп-кадр, из профессиональной биографии — удобную подводку к чужой шутке.

Арина читала до тех пор, пока слова не перестали иметь смысл. Потом среди новых публикаций увидела один и тот же кадр: она на сцене, за спиной огромными буквами — «ЛЮБОВЬ БЕЗ ОШИБОК», а в первом ряду Илья уже стоит с микрофоном.

Подпись была короткой:

«Иногда жизнь редактирует эксперта быстрее, чем редактор».

Арина выключила экран. В темноте собственная квартира казалась незнакомой. Она лежала и впервые за много лет не пыталась подобрать определение происходящему. Не искала стадию, причину, сценарий, травму, паттерн. Просто слушала, как тикают часы в коридоре. И всё же одна мысль возвращалась снова и снова.

Она весь вечер говорила людям, что близость начинается со способности услышать чужую правду. Илья сказал свою. А она понятия не имела, что с ней делать.

Глава 2. Год спустя

Год спустя Арина научилась не вздрагивать, когда её узнавали. Это оказалось проще, чем научиться не замечать, как люди после узнавания менялись в лице. Одни становились подчеркнуто вежливыми, будто боялись задеть человека, пережившего публичное унижение. Другие, наоборот, оживлялись — в их взгляде появлялось то самое любопытство, которое никогда не признаётся любопытством. Третьи делали вид, что ничего не знают. Эти были хуже всех.

В тот день она закончила консультацию раньше обычного. Женщина напротив сидела с прямой спиной и сухими глазами. Ей было сорок два, муж уже три месяца жил у другой, но она продолжала повторять, что «семью надо сохранить».

— Почему? — спросила Арина.

Женщина растерялась.

— Что — почему?

— Почему именно надо?

— Ну... потому что семья — это работа.

Раньше Арина почти наверняка сказала бы о границах, диалоге, ответственности двух взрослых людей. Возможно, предложила бы упражнение. Теперь она выдержала паузу.

— Работа должна иметь смысл, — сказала она. — И её должны делать двое.

Женщина посмотрела на неё долгим взглядом.

— Вы раньше по-другому говорили.

Арина чуть улыбнулась.

— Раньше я много чего говорила.

После консультации она осталась одна в кабинете. На столе лежала её книга — та самая, с безупречно белой обложкой и слишком уверенным названием: «Любовь без ошибок». Издательство всё ещё продавало остатки тиража. Иногда книга появлялась на столах клиентов, и каждый раз Арина испытывала странное чувство, похожее на встречу с собственной фотографией десятилетней давности: лицо узнаваемо, но человек уже другой.

Телефон завибрировал. Письмо от издательства она открыла не сразу. Уже по теме было понятно, что ничего хорошего там нет: «О новой рукописи». Арина провела пальцем по экрану.

«Мы по-прежнему считаем ваш новый материал сильным, однако рынок сейчас крайне чувствителен к публичному контексту автора. Предлагаем вернуться к вопросу публикации позднее».

Она перечитала дважды. Не потому, что не поняла. Потому что хотела найти в этих строках хотя бы одно слово, которое значило бы что-то другое. Не нашла. Закрыла письмо. Пять минут спустя пришло сообщение от Софии.

«Ты в кабинете?»

Арина ответила: «Да».

Через двадцать секунд дверь открылась.

— Я начинаю подозревать, что ты живёшь в соседнем шкафу, — сказала Арина.

София вошла с двумя стаканами кофе и тонкой папкой под мышкой.

— Если бы я жила в твоём шкафу, ты бы давно составила мне диагностическую карту.

— Уже составила.

— И?

— Тревожность, гиперконтроль и патологическая тяга вмешиваться в чужую жизнь.

София поставила кофе на стол.

— Значит, здорова.

Она была единственным человеком, который за последний год почти не изменил манеру разговаривать с Ариной. Не жалел. Не утешал без просьбы. Не произносил слов «ты спра-

вишься», потому что обе знали: иногда человеку не нужно справляться. Иногда ему просто надо пережить день и дойти до следующего.

София заметила открытое письмо на экране.

— Опять?

— Опять.

— Те же формулировки?

— Почти. В этот раз я «сильный автор с чувствительным публичным контекстом».

— Прекрасно. Скоро начнут выдавать орден за чувствительность.

Арина взяла кофе.

— Я не понимаю, почему они вообще продолжают просить новые главы, если не собираются издавать.

— Потому что если тебя завтра снова полюбит интернет, они захотят быть первыми.

— Цинично.

— Реалистично.

София села напротив и положила папку между ними.

— А теперь к хорошим новостям.

Арина посмотрела на папку.

— Если там ещё один бренд хочет, чтобы я рекламировала успокоительный чай, можешь сразу выбросить.

— Нет.

— Тогда косметика для разведённых?

— Не давай людям идеи.

София открыла папку. На первой странице стояло короткое название проекта и фотография большого загородного дома. Светлый фасад, стеклянные стены, сосны, озеро вдали.

— Закрытый эксперимент, — сказала София. — Двадцать один день. Пять семейных пар. Без прессы на территории. Без открытых трансляций. Ты работаешь с участниками как психолог.

Арина листнула страницу.

— Реалити-шоу?

— Документальный проект.

— Это красивое название реалити-шоу.

— Они не собираются показывать, как люди дерутся за холодильник.

— Уже обнадёживает.

— Камеры будут. Но формат серьёзный.

Арина подняла глаза.

— И кто это придумал?

София сделала короткую паузу.

— Марат Аверин.

Имя ничего ей не сказало.

— Должна знать?

— Не обязательно. Документалист. Снимал несколько фестивальных фильмов, потом купил старую усадьбу, перестроил её в загородный центр. Иногда проводит там съёмки, лаборатории, закрытые проекты.

— Почему я?

София откинулась на спинку стула.

— Он сказал, что ему нужен человек, которого знают.

— Это не ответ.

— Я знаю.

— Что ещё?

— Он хочет именно тебя.

Арина закрыла папку.

— Уже хуже.

— Гонорар очень хороший.

— Насколько хороший?

София назвала сумму. Арина снова открыла папку.

— Продолжай.

София усмехнулась.

— Вот за это я тебя и люблю.

— За продажность?

— За отсутствие декоративного лицемерия.

Арина быстро просмотрела условия. Три недели проживания на территории центра. Индивидуальные и парные сессии. Несколько групповых упражнений. Право остановить работу с участником по профессиональным причинам. Формулировка о съёмке была длиннее остальных и специально написана так, чтобы утомить человека раньше, чем он доберётся до конца.

— Здесь нужен юрист.

— Уже смотрел.

— И?

— Формально всё чисто. Материалы используются в документальном фильме. Есть право согласования фрагментов, где раскрываются детали частной практики. Нет права влиять на авторский монтаж.

Арина постучала ногтем по странице.

— То есть он может выставить меня кем угодно.

— В пределах того, что ты реально скажешь и сделаешь.

— Монтажом можно сделать почти всё.

— Поэтому я и не подписала за тебя.

Арина посмотрела на неё.

— Какая редкая деликатность.

— Наслаждайся. До вечера пройдёт.

Некоторое время они молчали. За окном медленно темнело. На противоположной стороне улицы зажглась вывеска кафе. По стеклу пробежали первые капли дождя.

— Они знают про прошлый год? — спросила Арина.

София не ответила сразу.

— Конечно.

— И всё равно хотят меня?

— Думаю, именно поэтому.

Арина откинулась в кресле. Эта мысль не обидела. Хуже — заинтересовала.

Последний год её приглашали либо туда, где должны были сделать вид, что ничего не случилось, либо туда, где хотели говорить только о том, что случилось. Она успела побывать в двух телевизионных студиях, где ведущие под мягким светом задавали одинаковые вопросы: «Что вы почувствовали, когда муж сказал это перед всеми?»; «Считаете ли вы свой развод профессиональным поражением?»; «Можно ли доверять семейному психологу, который не сохранил собственный брак?»

На третий эфир она не пошла. Потом ушёл рекламный контракт. Следом другой. Онлайн-курс ещё приносил деньги, но продажи падали. В комментариях под старыми лекциями регулярно появлялось: «А муж-то где?» Сначала она удаляла. Потом перестала. Самое неприятное было не в деньгах и даже не в репутации. Самое неприятное — она больше не знала, где заканчивается профессиональная ошибка и начинается обычная человеческая жизнь.

— Пять пар, — сказала она. — Какие проблемы?

София оживилась.

— В материалах пока кратко. Измена. Ревность. Эмоциональное отчуждение. Полное исчезновение близости. И пара, которая живёт вместе только ради детей.

Арина подняла брови.

— Подбор как для учебника.

— Может, специально.

— Скорее всего.

— Это плохо?

— Это подозрительно.

София подалась вперёд.

— Арина, у тебя сейчас два варианта. Можно ещё полгода ждать, пока издатели перестанут бояться твоей фамилии. А можно сделать что-то, где ты снова работаешь, а не объясняешь, почему имеешь право работать.

— Ты репетировала?

— В лифте.

Арина улыбнулась, но сразу стала серьёзной.

— Ты сама веришь в этот проект?

— Я верю, что он может вернуть тебя в публичное поле без дешёвого ток-шоу.

— Я спросила не это.

София задержала взгляд.

— Я верю, что тебе надо перестать жить так, будто тот вечер всё ещё продолжается.

Арина отвела глаза к окну. Вот это уже попало точнее. Вирусное видео давно исчезло из ежедневных рекомендаций. Люди нашли новые скандалы, новые разводы, новые унижения. Но для неё иногда всё ещё существовал тот зал, микрофон в руках Ильи и странная тишина, наступившая после слов «Я ухожу».

Она тогда закончила выступление. Двадцать семь минут говорила перед людьми о зрелости, диалоге и способности слышать партнёра, пока внутри неё рушилось всё, что этим словам придавало право звучать. Позже это называли профессионализмом. Арина знала другое слово. Шок.

— Сколько у меня времени? — спросила она.

— До завтра.

— Щедро.

— У Аверина график.

— А у меня, видимо, нет.

— У тебя есть. Завтра в одиннадцать встреча с ним.

Арина медленно повернулась.

— Что?

София достала телефон.

— Я сказала, что ты пока не согласилась. Он ответил, что это неважно. Сначала хочет поговорить.

— Ты назначила мне встречу без моего согласия?

— Я продюсер. Это называется забота.

— Это называется нарушение границ.

— Прекрасно. Расскажешь ему об этом завтра.

Арина закрыла папку и придвинула её обратно.

— Я не поеду.

— Хорошо.

София поднялась.

— Что «хорошо»?

— Не поедешь — отменю.

— И всё?

— А что ты ждала? Манипуляции? Слезы? Рассказа о том, как я верю в тебя?

Арина прищурилась.

— Это нечестный приём.

— Я вообще молчу.

София взяла сумку. У двери она обернулась.

— Только один вопрос.

— Нет.

— Я ещё не задала.

— Тем более.

— Ты отказываешься потому, что проект плохой? Или потому, что там будут камеры?

Арина ничего не ответила. София кивнула, будто ответ получила.

— Напиши до десяти вечера.

Дверь закрылась. Арина ещё долго сидела одна. Она снова открыла папку. Перечитала условия, просмотрела фотографии центра, короткие сведения об участниках. На последней странице была справка об авторе проекта. Марат Аверин, сорок шесть лет. Фотография была чёрно-белой. Мужчина смотрел не в объектив, а куда-то в сторону. Тёмная рубашка, резкие складки у рта, спокойное лицо человека, который не считает нужным нравиться.

Под фотографией — несколько строк о наградах, фестивалях и документальных лентах.

А ниже — цитата из интервью трёхлетней давности:

«Когда человек знает, что его снимают, он почти всегда начинает играть. Самое интересное начинается в ту секунду, когда он уверен, что больше не играет».

Арина перечитала. Потом открыла ноутбук и ввела его имя в поиске. Она не заметила, как прошло сорок минут. Интервью. Отрывки фильмов. Несколько резких колонок критиков. Один скандал вокруг картины о закрытом реабилитационном центре. Аверина обвиняли в жестокости, в нарушении дистанции, в том, что он слишком долго держит камеру на людях, которым больно.

Сам он отвечал коротко.

«Камера не делает человека несчастным. Она только мешает окружающим отвернуться».

Арина закрыла вкладку.

— Самоуверенный мерзавец, — сказала она пустому кабинету.

Телефон показывал 21:47.

Она открыла переписку с Софией.

Набрала: «Отменяй».

Посмотрела на сообщение. Стерла. Написала другое.

«Встреча где?»

Ответ пришёл почти сразу.

«Я знала».

Арина закатила глаза. Следом пришёл адрес.

И ещё одно сообщение:

«Только не пытайся заранее поставить ему диагноз».

На губах Арины появилась короткая усмешка.

«Поздно».

Она выключила свет в кабинете, надела пальто и вышла в коридор. На улице дождь уже закончился. Воздух пах мокрым асфальтом, холодом и чем-то новым, чему она пока не собиралась давать название. Завтра в одиннадцать она собиралась встретиться с человеком, который почему-то выбрал именно её.

И больше всего Арине не нравилось, что ей уже хотелось понять — зачем.

Глава 3. Человек, который ей не верит

На встречу с Маратом Авериным Арина приехала за семь минут до назначенного времени и сразу пожалела об этом. Раньше она считала пунктуальность признаком уважения. После развода обнаружилось, что иногда семь лишних минут — это просто семь лишних минут, чтобы передумать.

Офис находился на втором этаже старого кирпичного здания недалеко от набережной. Никакой вывески, стеклянных дверей и ресепшена с безупречной девушкой в чёрном. Только тяжёлая лестница, белые стены, несколько афиш документальных фильмов и длинный коридор, в конце которого кто-то спорил по телефону.

Арина остановилась у двери с металлической табличкой «Аверин. Студия». Под ней кто-то маркером приписал: «Если не открывает — значит, снимает». Она невольно усмехнулась. Дверь открылась прежде, чем она успела постучать.

— Арина Ветрова?

Перед ней стоял мужчина в тёмно-серой рубашке с закатанными рукавами. Высокий, худощавый, с коротко стриженными волосами и лицом, на котором не было ни обязательной приветливости, ни демонстративной суровости. Он просто смотрел. Внимательно. Спокойно. Чуть дольше, чем принято.

— А вы, полагаю, человек, который назначает встречи людям, ещё не согласившимся на работу.

— Нет. Это ваша продюсерша назначает. Я только согласился.

— Уже легче.

— Проходите.

Он отступил в сторону, пропуская её. Кабинет оказался почти пустым. Большой деревянный стол, два кресла, стеллаж с книгами и папками, монтажный монитор у стены. На подоконнике стояли две кружки, одна с засохшим чайным пакетиком. Никаких дипломов, фотографий с фестивалей и наград, хотя в интернете Арина видела достаточно снимков с красных дорожек, чтобы понять: Аверину было что выставить.

— Кофе? — спросил он.

— Нет.

— Вода?

— Нет.

— Тогда садитесь.

Арина сняла пальто, положила его на спинку кресла и села напротив. Марат не сел сразу. Подошёл к столу, коснулся клавиатуры и развернул к ней монитор. Экран загорелся. Арина узнала зал раньше, чем услышала звук. Собственное лицо крупным планом. Свет сцены. Микрофон в руке. И голос Ильи из первого ряда, который она успела почти вытеснить из памяти в живом звучании, но не из тела.

— Арина, прости. Я ухожу.

Она замерла всего на секунду. Марат смотрел не на экран. На неё.

— Выключите, — сказала Арина.

Он не двинулся. На записи она стояла неподвижно. Потом делала вдох и говорила что-то залу — то самое продолжение выступления, которое год назад миллионы раз разобрали на фрагменты.

— Я сказала: выключите.

Марат нажал пробел. Изображение застыло на её лице.

— Зачем вы это включили?

— Мне нужно понимать, кто собирается лечить чужие браки.

Арина почувствовала, как внутри мгновенно поднимается знакомый холод. Не боль. Она давно научилась отличать. Холод был удобнее: делал мысли точными.

— Я никого не лечу.

Марат кивнул.

— Тогда уже лучше.

— Если это ваша техника знакомства, она довольно дешёвая.

— Это не техника знакомства.

— А что?

— Проверка.

— На что?

— На то, насколько вы зависите от собственного образа.

Арина медленно откинулась в кресле.

— И каковы результаты?

— Вы рассердились.

— Гениальное наблюдение.

— Но не ушли.

— Пока.

Он наконец сел напротив. Вблизи он выглядел старше, чем на фотографии из досье. Не старым — просто человеком, который не слишком заботился о том, чтобы лицо казалось моложе. У глаз лежали тонкие морщины. На подбородке — едва заметная щетина. Взгляд оставался спокойным, почти ленивым, и именно это раздражало сильнее всего.

— София прислала вам условия? — спросил он.

— Прислала.

— Вопросы есть?

— Есть. Почему я?

— Потому что вы известны.

— Это я уже слышала.

— Потому что вас одновременно любят, ненавидят и обсуждают.

— Это тоже не ответ.

Марат чуть склонил голову.

— А какого ответа вы ждёте?

— Честного.

— Хорошо. Вы годами говорили людям, как строить отношения. Потом ваш собственный муж ушёл от вас публично. После этого вы продолжили работать. Мне интересно, что в ваших идеях останется, если убрать красивую упаковку.

Арина несколько секунд смотрела на него молча.

— Значит, вы хотите сделать из меня доказательство собственной теории.

— У меня нет теории.

— У каждого режиссёра есть теория. Иначе он не выбирает, куда ставить камеру.

Впервые на его лице появилось что-то похожее на интерес.

— Хорошо сказано.

— Бесплатно. В договор не включено.

Марат усмехнулся.

— Я не верю в универсальные психологические формулы, Арина.

— Я тоже.

— У вас курс называется «Любовь без ошибок».

— Маркетинговые названия редко отражают содержание учебной программы.

— Удобно.

— Реалистично.

— То есть вы продаёте одно, а внутри даёте другое?

— Нет. Я объясняю людям закономерности. Это не инструкция к стиральной машине.

— А звучит именно так.

— Вы читали книгу?

Несколько секунд Марат молчал.

— Часть.

— Какую?

— Первые восемьдесят страниц.

— И остановились?

— Стало скучно.

Арина тихо рассмеялась. Не потому, что было смешно. Скорее от неожиданности.

— Вы пригласили автора книги, которая вам наскучила, на двадцать один день съёмок?

— Мне был интересен автор, не книга.

— Это должно льстить?

— Нет.

— Отлично. Потому что не льстит.

Он подался вперёд, положив предплечья на стол.

— Я хочу снять не курс и не рекламу психологии. Пять пар приезжают в закрытый центр. У каждой — свой кризис. Вы работаете с ними. Я наблюдаю, что происходит, когда советы сталкиваются с реальными людьми.

— Я не даю советов.

— Все психологи говорят, что не дают.

— Потому что хороший психолог действительно не говорит человеку, как жить.

— Но помогает прийти к правильному решению?

— К своему решению.

— Даже если оно вам не нравится?

— Да.

— Даже если люди решат развестись?

— Конечно.

Марат задержал на ней взгляд.

— Тогда, возможно, мы договоримся.

— Вы говорите так, будто это экзамен.

— Нет. На экзамене обычно заранее известен правильный ответ.

Арина почувствовала раздражение, но под ним уже проступало другое — азарт. Опасная реакция. Именно так она включалась в сложную дискуссию, когда понимала, что собеседник не просто провоцирует, а действительно способен выдержать ответ.

— Что вы хотите доказать этим фильмом? — спросила она.

— Пока ничего.

— Не верю.

— И правильно.

— Очень удобно быть человеком, который никому не верит. Всегда остаёшься умнее остальных.

— Вы тоже не особенно доверчивы.

— Я хотя бы не делаю из этого профессию.

— Делаете. Только ваша профессия устроена наоборот. Вы убеждаете людей говорить то, что они прячут.

— А вы?

— Я жду, пока они забудут, что камера включена.

В кабинете стало тихо. Арина вспомнила цитату, которую читала накануне. Смысл был почти тот же.

— Люди не забывают камеру, — сказала она. — Они привыкают к ней. Это разные вещи.

— Возможно.

— И вы всё равно снимаете.

— Да.

— Даже когда человеку плохо?

— Иногда.

— И где граница?

— Там, где я решаю её провести.

— То есть нигде.

Марат посмотрел в сторону окна.

— Вы уже вынесли заключение?

— Пока предварительное.

— Диагноз?

— Я не ставлю диагнозы людям, которых вижу пятнадцать минут.

— Скучная вы.

— Вы ещё книгу дочитайте.

Он снова усмехнулся. На несколько секунд напряжение рассеялось, но Арина слишком хорошо знала это ощущение: когда разговор становится легче, человек иногда позволяет себе больше, чем собирался.

— Вы действительно думаете, что мой развод делает меня менее профессиональной? — спросила она.

Марат не отвёл взгляд.

— Нет.

Ответ оказался слишком быстрым и потому неожиданным.

— Тогда к чему было видео?

— Ваш развод не делает вас хуже как специалиста. А вот то, как вы с ним живёте, может оказаться важнее всех ваших лекций.

Арина нахмурилась.

— Вы ничего не знаете о том, как я с ним живу.

— Поэтому и пригласил.

— Чтобы узнать?

— Чтобы увидеть.

— Это разные вещи.

— Согласен.

Он говорил спокойно, но в этой спокойности уже не было прежней насмешки. Арина впервые почувствовала за ней не цинизм, а твёрдую личную позицию. Какую именно, она пока не понимала.

— Вы были женаты? — спросила она.

Марат поднял брови.

— Уже начали консультацию?

— Вы двадцать минут обсуждаете мой развод. Считайте, что мы выровняли правила.

— Был.

— Долго?

— Достаточно.

— Это сколько?

— Одиннадцать лет.

— Почему развелись?

— Потому что закончился брак.

— Очень содержательно.

— Я документалист. Не клиент.

— Тогда не задавайте мне вопросы как клиенту.

Марат кивнул, будто отметил очко в её пользу.

— Справедливо.

Он встал, прошёл к стеллажу и достал тонкую чёрную папку.

— Здесь подробности по участникам. Не медицинские документы, только анкеты и предварительные интервью. Имена настоящие. Все подписали согласия.

Арина взяла папку, но не открыла.

— Кто отбирал пары?

— Я и редакторы.

— По какому принципу?

— Разные типы кризиса. И люди, которые ещё не решили, хотят ли оставаться вместе.

— То есть не «спасти любой ценой».

— Нет. Именно поэтому я не хотел обычного семейного консультанта из телевизора.

— А выбрали семейного психолога из интернета.

— Вы хотя бы знаете, как выглядит публичная ошибка.

Её взгляд задержался на нём.

— Вы умеете разговаривать с женщинами так, чтобы они не уходили?

— Иногда уходят.

— Не удивлена.

— Но вы всё ещё здесь.

Эта фраза прозвучала почти без нажима. И всё же Арина почувствовала, как что-то едва заметно сдвинулось. Не в нём — в ней. Она открыла папку. Первая пара — Антон и Вера. В браке двенадцать лет. Год назад Вера узнала об измене. Остались вместе, но теперь она проверяет телефон мужа по нескольку раз в день.

Вторая — Денис и Ольга. Он ревнует её к коллегам, друзьям, бывшим однокурсникам, даже к тренеру в спортзале. Третья — Кирилл и Марина. Живут как соседи. Не ссорятся, не касаются друг друга, обсуждают только счета и покупки. Четвёртая — Павел и Инна. Близости не было почти два года. Они оба делают вид, что это не проблема.

Пятая — Сергей и Наталья. Открыто говорят, что не любят друг друга, но не расходятся ради двух детей. Арина читала медленнее, чем собиралась. Материал был слишком профессионально собран, чтобы проект оказался дешёвой провокацией. В анкетах не было кричащих вопросов, но каждый бил в уязвимое место: «Что вы никогда не говорили партнёру?», «Что вы потеряете, если уйдёте?», «Что вы потеряете, если останетесь?».

— Кто составлял интервью? — спросила она.

— Я.

— Не психолог?

— Нет.

— Чувствуется.

— Плохо?

— Наоборот. Психолог бы постеснялся так спрашивать на первом разговоре.

— А вы постеснялись бы?

— Иногда стыд — полезная вещь.

— Для кого?

— Для человека, который задаёт вопрос.

Марат рассмеялся. Впервые по-настоящему, негромко, без усмешки. Арина неожиданно заметила, что у него тёплый смех. Это не сочеталось с тем человеком, которого она успела построить у себя в голове, и потому раздражало ещё больше. Она закрыла папку.

— Я хочу изменить несколько пунктов договора.

— Каких?

— Если участник просит остановить съёмку во время индивидуальной сессии — камера выключается.

— Нет.

— Тогда мы закончили.

— Участники заранее согласились на съёмку.

— Согласие можно отозвать.

— Тогда фильма не будет.

— Тогда ищите другого психолога.

Марат молчал. Арина встала и потянулась за пальто.

— Вы всегда так быстро уходите из переговоров? — спросил он.

— Когда условия неприемлемы — да.

— А если я предложу компромисс?

Она остановилась.

— Какой?

— Индивидуальные сессии снимаются по умолчанию. Если человек прямо просит выключить камеру — вы решаете, продолжаете работу без съёмки или переносите разговор. Но это должно быть его решение, не ваше.

— И материал, снятый до просьбы?

— Остаётся у меня.

— Не используется без дополнительного согласия.

— Слишком много власти для человека, которого я нанимаю.

— Вы нанимаете меня как психолога, а не как мебель в кадре.

Он посмотрел на неё несколько секунд.

— Хорошо. Дополнительное согласие.

Арина снова села.

— Второе. Никаких внезапных вмешательств в сессию ради красивой сцены.

— А если вы ведёте разговор в тупик?

— Тогда вы ждёте окончания.

— Не обещаю.

— Тогда я не обещаю, что не выставлю вас за дверь.

— Из моего центра?

— Найду способ.

Марат чуть улыбнулся.

— Это уже интереснее.

— Третье. Если вы хотите задавать участникам вопросы вне моих сессий — задавайте.

Но не выдавайте это за терапию.

— Я и не собирался.

— Хорошо.

— Всё?

Арина помолчала.

— Нет. Моё прошлое не становится частью работы без моего согласия.

Марат посмотрел на замерший экран, где всё ещё было её лицо из того вечера.

— Это сложнее.

— Почему?

- Потому что ваш публичный образ уже существует отдельно от вас.
- Я говорю не об образе. Я говорю о личных деталях.
- Илья приедет?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что Арина даже не сразу ответила.

- Нет.
 - Вы уверены?
 - Абсолютно.
 - Тогда личные детали мне не нужны.
 - А публичные?
 - Публичные уже принадлежат не только вам.
- Она почувствовала резкое желание снова встать и уйти.
- Вот за это я вас не люблю уже сейчас.
 - Прекрасно. Симпатия нам только мешала бы.
 - Вы всегда такой невыносимый?
 - Нет. Иногда сплю.

Арина отвернулась, чтобы он не заметил улыбку. На стене напротив висела большая фотография пустого деревянного дома посреди сосен. Она узнала тот самый центр из презентации Софии, только до реконструкции.

- Это он? — спросила она.

Марат проследил за её взглядом.

- Да.
- Вы его купили таким?
- Почти. Крыша текла, отопления не было, половина окон заколочена.
- Зачем?
- Понравился.
- Очень рационально.
- Не всё должно быть рационально.

Фраза прозвучала просто. Без намёка. Но Арина почему-то запомнила её.

- Когда начало? — спросила она.
- Через шесть дней.
- Вы уверены, что я соглашусь.
- Нет.
- Тогда почему уже назначили даты?
- Потому что проект состоится с вами или без вас.
- Вот теперь похоже на правду.

Она снова пролистала несколько страниц договора. Хороший гонорар был важен, но уже не решал. Важнее было другое: пять пар, живые кризисы, отсутствие заранее заданного финала. И человек напротив, который откровенно не верил ни ей, ни её системе, но почему-то хотел видеть именно её работу.

Это было опасно для репутации. Опасно для самолюбия. И, как ни неприятно признавать, профессионально интересно.

- Почему вы так не любите психологов? — спросила она.

Марат перестал улыбаться. Пауза оказалась едва заметной, но Арина её увидела.

- Я не говорил, что не люблю психологов.
- Вы сказали, что не верите в формулы.
- Это не одно и то же.
- Но что-то за этим есть.
- Конечно.
- Что?

Он взял со стола ручку, покрутил между пальцами и положил обратно.

— Когда-нибудь расскажу.

— Почему не сейчас?

— Потому что я не обязан отвечать на каждый ваш вопрос только потому, что вы привыкли, что люди отвечают.

Она встретила его взгляд.

— А я не обязана работать с человеком, который заранее считает мою профессию шарлатанством.

— Не считаю.

— Вы очень убедительно это скрываете.

— Я считаю шарлатанством обещание сделать любовь правильной.

Арина посмотрела на папку, потом на него.

— Здесь мы, пожалуй, впервые согласны.

— Смотрите. Уже прогресс.

— Не радуйтесь.

— Я редко радуюсь заранее.

Она взяла ручку. Марат не подвинул договор. Просто ждал. Это тоже раздражало. Он не уговаривал, не продавал идею, не напоминал о гонораре. Будто решение не имело для него значения. Арина открыла последнюю страницу.

— Правки внесём письменно до вечера.

— Внесём.

— И если хоть один пункт будет сформулирован иначе, чем мы сейчас договорились, я не приезжаю.

— Хорошо.

— И вы не используете то видео как дешёвую завязку фильма.

Марат чуть прищурился.

— Это уже режиссёрское решение.

— Тогда я не подписываю.

— Вы торгуетесь не хуже продюсера.

— Год практики.

Он помолчал, затем закрыл видео на экране.

— Ладно. Без него.

Арина поставила подпись в предварительном листе согласования. Ручка царапнула бумагу неожиданно громко. Марат посмотрел на её подпись, потом на неё.

— Значит, вы согласны.

— Я согласна посмотреть, что получится.

— Это и есть согласие.

— Нет. Это профессиональное любопытство.

— Все хорошие неприятности так начинаются.

Она поднялась.

— У вас странная манера прощаться.

— Я ещё не прощался.

Он тоже встал и протянул ей руку. Арина на секунду замешкалась, затем пожала. Ладонь у него была тёплая, рукопожатие короткое, без попытки задержать её. Совершенно обычное. Почему-то именно это она заметила.

— В понедельник к двенадцати, — сказал он. — Центр за городом. Вам пришлют маршрут.

— Я умею пользоваться навигатором.

— Не сомневаюсь.

— Вы вообще хоть в чём-то сомневаетесь?

Марат отпустил её руку.

— Постоянно.

Она уже открыла дверь, когда он добавил:

— Арина.

Она обернулась.

— Я правда не собираюсь вас разоблачать.

Фраза прозвучала слишком серьёзно для человека, который час назад включил перед ней самое унижительное видео её жизни.

— А что вы собираетесь делать?

— Смотреть, что окажется правдой.

Арина задержала взгляд на его лице.

— Тогда смотрите внимательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.